

И. Е. Зеленин

И. В. СТАЛИН И ЛИЧНОЕ ПОДСОБНОЕ ХОЗЯЙСТВО КРЕСТЬЯНИНА-КОЛХОЗНИКА: ТЕОРИЯ, ПОЛИТИКА, ПРАКТИКА

Историографическое освоение темы личного подсобного хозяйства оказалось весьма трудным и противоречивым: в соответствии с установками партийных идеологов тему эту то относили к числу запретных, то пытались втиснуть индивидуальное хозяйство в прокрустово ложе подсобного, некоего безликого придатка общественного (колхозного), то подчеркивалась бесперспективность, неизбежность скорого отмирания этой «неправедной» формы хозяйствования, а затем, когда потребовалось дать «отпор» западной историографии по поводу феномена ЛПХ, особый акцент делался на то, что оно является органической частью общественного хозяйства и именно ему обязано своими успехами. В то же время современный этап аграрных реформ показывает, что возрождение «раскрестьяненного» крестьянства, возникновение новых форм хозяйствования (в том числе фермерского), происходит не в последнюю очередь на основе приусадебных хозяйств. Совершенно очевидно, что эта проблема нуждается в специальном глубоком изучении на основе привлечения нового материала и осмысления старого применительно к различным этапам истории СССР и России. «Сталинский этап» заслуживает особого внимания как «родоначальный» в истории многострадальных ЛПХ.

Аграрная политика Советского государства, правящей партии, опираясь на известное марксистское положение о преимуществах общественного производства в сельском хозяйстве перед мелким, частнособственническим, в принципе отрицательно относилась к тому, чтобы крестьянин-колхозник, а тем более рабочий совхоза или горожанин вели личное подсобное хозяйство. Даже в условиях гражданской войны В.И. Ленин, отстаивая ст. 46 закона «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» (февраль 1919), категорически запрещавшую рабочим и служащим совхозов иметь собственных животных, птиц и огороды, разъяснял не согласным с этим голодающим сельскохозяйственным рабочим Петроградской губернии: «Зачем эта статья вошла в Закон? Чтобы создавать общий труд в общем хозяйстве.

А если снова заводить огороды, отдельных животных, птиц и т. д., то, пожалуй, все вернется к мелкому хозяйству, как было до сих пор»¹. Заметим, кстати, что Н.С. Хрущев, обосновывая свою политику в отношении ЛПХ, неоднократно цитировал эти высказывания Ленина².

В связи с переходом к сплошной коллективизации ЦК ВКП(б) принял известное Постановление от 5 января 1930 г., в котором объявил сельскохозяйственную артель «наиболее распространенной формой колхозов», в которой коллективизированы основные средства производства, поручив Наркомзему СССР с привлечением колхозных организаций срочно выработать Устав сельскохозяйственной артели «как переходной к коммуне формы». Через месяц (6 февраля) Устав был утвержден, однако он не дал четкого ответа на вопрос о размерах личного хозяйства колхозника, предоставив его решение местным властям. А еще через месяц, когда деревня была на пороге крестьянской войны, Сталин в статье «Головокружение от успехов», говоря о перегибах и извращениях политики партии, упомянул и о том, что «имеются попытки выскочить из рамок артели и перепрыгнуть сразу к сельскохозяйственной коммуне», для которой как преобладающей формы «условия еще не созрели... Кому нужно это глупое и вредное для дела забегание вперед? Дразнить крестьянина-колхозника «обобществлением» жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы, когда зерновая проблема еще не решена, когда артельная форма колхозов еще не закреплена ...?» (подчеркнуто авт. — И. З.)³.

Иначе говоря, местные власти, лишая колхозника ЛПХ, в принципе все делали правильно, но преждевременно, «забегали вперед». Ошибки вроде бы стали быстро исправлять: через несколько дней ЦИК и СНК СССР утвердили новый Примерный устав сельскохозяйственной артели, где говорилось, что членам артели оставляются в единоличное пользование земли (огороды, сады и т.п.), а в индивидуальном владении разрешается иметь одну корову, мелкий скот и птицу. Однако размеры земельных участков и количество мелкого скота не устанавливались. Вскоре выяснилось, что практика далеко разошлась с предписаниями устава. И не случайно.

В резолюции декабрьского 1930 г. Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), в постановлениях VI съезда Советов СССР (март 1931) и особенно ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О развертывании социалистического животноводства» (30 июля 1931) была разработана и стала немедленно проводиться в жизнь инициированная Сталиным авантюристическая программа «большого скачка» в животноводстве, нацеленная на то, чтобы за 1–2 года на базе общественного животноводства, прежде всего организации колхозных товарных ферм, решить животноводческую проблему вслед за

зерновой, которая, как заявил Сталин на XVI съезде партии, была в основном решена⁴.

Во второй половине 1931 г. повсеместно развернулась организация колхозных ферм. Колхозам и совхозам были предъявлены повышенные планы сдачи животноводческой продукции. А для этого снова потребовалось принудить колхозника обобществить скот, включая «последнюю корову». Особенно трагические последствия имела акция по изъятию скота у животноводов-кочевников Казахстана. В обстановке всеобщего недовольства, когда в январе – феврале 1932 г. вновь начались массовые выходы крестьян из колхозов с требованием вернуть им скот и обобществленные посевы, ЦК ВКП (б) спешно принял постановление «О принудительном обобществлении скота» (26 марта). Сначала — фарисейское признание: «В ряде районов наблюдается практика обобществления коров и мелкого скота у отдельных колхозников фактически принудительным способом, что самым грубым образом нарушает неоднократные указания Центрального Комитета партии и Устав сельскохозяйственной артели». «Принудительное обобществление» списывалось на «врагов колхозов». Подчеркивалось, что «задача партии состоит в том, чтобы у каждого колхозника была своя корова, мелкий скот и птица». Давалось указание: «Дальнейшее расширение и развитие колхозных ферм должно идти лишь путем выращивания фермами молодняка или покупки скота»⁵.

Однако это постановление, принятое с большим опозданием, проводилось в жизнь крайне медленно, непоследовательно. Местные власти не спешили возвращать скот нередко потому, что значительная часть его была сдана государственным заготовителям. Кроме того, некоторые теоретики и практики, придерживавшиеся социалистических взглядов, полагали, что постановление от 26 марта — ошибочное, направлено против коллективизации. В спецводке ОГПУ от 30 июля 1932 г. приводились, например, такие высказывания агроспециалистов и руководителей сельскохозяйственных органов: «Это поворот влево, назад к НЭПу, отказ от коллективизации, восстановление частной торговли»; «постановление означает шаг назад, задержку в темпах коллективизации», а «указание, что задача партии состоит в том, чтобы каждый колхозник имел корову — ошибочное»⁶.

В речи на I съезде колхозников-ударников (февраль 1933) Сталин признал, что «у Советской власти было в недавнем прошлом маленькое недоразумение с колхозницами. Дело шло о корове». «Но теперь, — утверждал он, — дело с коровой устроено, и недоразумение отпало»⁷. «Недоразумение», причем далеко не «маленькое», конечно, не было устранено. По данным на 1933-й год коров имели немногим больше половины (52,6%) колхозных дворов страны, у 29,8% дворов не было никакого ско-

та. Посевы на усадьбах производили только 60,4% дворов колхозного крестьянства СССР⁸.

Политотделы МТС, приступившие к работе в начале 1933 г., повсеместно столкнулись с серьезной недооценкой со стороны руководящих работников районов и колхозов личного подсобного хозяйства колхозников как в теории, так и на практике. И немало сделали, чтобы преодолеть это недоверие. Однако положение дел в этой области существенно стало меняться только с 1935 г., когда был принят новый Примерный устав сельскохозяйственной артели. Характерно, что при обсуждении проекта нового Устава на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников (февраль 1935) делегаты проявили огромную личную заинтересованность, неформальную активность в своих выступлениях в связи с определением конкретных размеров приусадебных участков и численности индивидуального скота. Власти, лично Сталин, который входил в состав комиссии съезда по выработке Устава, пошли на значительные уступки, предоставив, наконец, колхозникам реальное (гарантированное законом) право на подсобное хозяйство определенных размеров, которое нередко при сохранении крайне низкой и неустойчивой оплаты труда в колхозах (на основе «остаточного принципа») превращалось для семьи в основной источник продуктов питания, корма для скота и денег. В зависимости от региона колхознику разрешено было иметь от 0,25 до 0,5 га, а в отдельных районах до 1 га приусадебной земли и от одной до 2–3 коров, до 2–3 свиноматок, от 20 до 25 овец и коз, неограниченное количество птицы, кроликов, до 20 ульев⁹.

При этом генсек исходил из необходимости достижения известного компромисса между властью и колхозниками на основе предоставления последним реального права и создания условий для ведения приусадебного («личного подсобного») хозяйства, по существу — остаточной формы частнособственнического производства. Работая в колхозе («за палочки»), крестьянин не должен был претендовать на высокие доходы от общественного хозяйства, довольствоваться тем, что основные потребности его семьи удовлетворялись за счет приусадебного хозяйства.

7 июля 1935 г. правительство СССР приняло постановление «О выдаче сельскохозяйственным артелям государственных актов на бессрочное («вечное») пользование землей», распространявшееся и на землепользование колхозного двора, что имело большое психологическое значение. Выдача актов проходила в торжественной обстановке при участии всех колхозников. В соответствии с нормами Устава уточнялось распределение приусадебных земель, владельцы которых имели право по льготным ценам приобрести скот для индивидуального пользования.

Эти меры, свидетельствовавшие о начале либерализации аграрной политики государства (некий «неонэп»!), весьма положительно сказались

на изменении ситуации в деревне. Произошли реальные, а не фиктивные, как в конце 1929 г., сдвиги в ходе коллективизации. К середине 1935 г. в колхозах страны состояло 83,2% крестьянских дворов против 61,8% в 1932 г., на которые приходилось 94,1% посевных площадей колхозного сектора. Валовая продукция сельского хозяйства страны по сравнению с 1932 г. выросла на 12%.

Примечательно, что уже в 1935 г., вскоре после принятия нового Устава, колхозники приобрели для приусадебного хозяйства по льготным ценам 5,4 млн голов скота, в том числе 1,6 млн коров и телок, 2,8 млн свиней¹⁰.

В производстве животноводческой продукции, картофеля и овощей ЛПХ колхозников начинают играть все большую роль. В 1937 г. в общем объеме животноводческой продукции колхозного сектора удельный вес приусадебных хозяйств составлял: по картофелю и овощам — 52,1%, по плодовым культурам — 56,6%, по молоку — 71,4%, по мясу — 70,9%, по производству кож — 70,4%. Иначе говоря, в конце второй пятилетки ЛПХ значительно опережали общественное хозяйство колхозов в производстве названных видов продукции¹¹. Парадоксально, что именно на базе этого «частновладельческого» хозяйства, на клочке земли крестьянин-колхозник трудился с полной отдачей сил, решая свои (и не только свои) главные бытовые проблемы.

К концу второй пятилетки коллективизация сельского хозяйства полностью завершилась. Были достигнуты наивысшие за все годы советской власти показатели развития валового сельскохозяйственного производства, значительно (на 34%) превысившие уровень рекордного для страны 1913-го года. Правда, все еще отставало животноводство¹².

Однако в последующие годы показатели валовой и товарной продукции сельского хозяйства стали снижаться. Важнейшая причина — падение заинтересованности колхозников в развитии производства в связи с отходом правящей верхушки от курса на либерализацию экономики, осуществление силовых акций против крестьянства, колхозного двора в нарушение Устава 1935 г. Этот отход начался с весны 1939 г. Уже в марте в речи на XVIII съезде партии А.А. Андреев — основной куратор сельского хозяйства в сталинском Политбюро — поставил вопрос о сокращении размеров и доходности приусадебных хозяйств колхозников. «Когда колхозы были еще слабыми и не могли брать на себя полностью обеспечение потребностей колхозников за счет общественного хозяйства, — разъяснял он, — правильно был поставлен вопрос о личных хозяйствах... Теперь, когда эта задача выполнена и когда колхозы окрепли, надо ударение сделать на укреплении и расширении общественного колхозного хозяйства, повышении его роли в удовлетворении потребностей колхозников». И далее: «Не безмерное расширение личного скота и приусадеб-

ных земель отдельных дворов колхозников, *а только увеличение общественного хозяйства может обеспечить дальнейшее повышение материального уровня и зажиточности всех колхозников*» (курсив наш — И. З.). «Кое-где, возмущался оратор, — личное хозяйство колхозного двора стало перерастать общественное хозяйство колхоза в основное, а колхозное, наоборот, в подсобное. Это не могло не отразиться отрицательно на состоянии труддисциплины в колхозах. Доля личных доходов должна сокращаться, а общественного хозяйства возрастать»¹³.

Совершенно очевидно, что речь шла о значительном сокращении размеров (земли и поголовья скота) приусадебных хозяйств колхозников, определенных Уставом 1935 г. Власти спохватились, видимо, что слишком большие уступки были сделаны колхозникам (лично Сталиным) по линии приусадебного хозяйства, но напрямую об этом сказать не решились, приходилось исходить из «незаконного расширения путем разбазаривания и расхищения общественных земель колхозов в пользу личного хозяйства». А делали это «частнособственнические и рваческие элементы в целях спекуляции и личной наживы при попустительстве местных органов власти».

Стремление колхозников увеличить размеры приусадебных хозяйств (как правило, в пределах максимальных норм, определенных Уставом 1935 г.) понятно, поскольку от общественного хозяйства их доходы были невелики (и это также было хорошо известно властям), а от приусадебного хозяйства они имели возможность получить прибыль и повысить свое благосостояние за счет продажи части продукции в городе, а на вырученные деньги приобрести промышленные товары, тем более что колхозная торговля была разрешена и даже официально поощрялась.

Вопреки тому, что говорил Андреев на XVIII съезде партии в 1938 г., по данным ЦУНХУ СССР у основной массы колхозников (77%) приусадебные участки соответствовали нормам Устава 1935 г., у 12% — были ниже нормы, и только у 10% превышали их¹⁴. В то же время в мае 1939 г. было намечено провести пленум ЦК ВКП(б) по вопросу о приусадебных участках колхозников. По плану подготовки пленума Сельхозотделом ЦК партии было проведено три совещания, специально посвященных этому вопросу. Особое значение имело активное участие в этих совещаниях членов Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Андреева, М.И. Калинина, Н.С. Хрущева, а основными участниками являлись руководители обкомов и крайкомов партии. Были приглашены и представители некоторых колхозов (председатели, заведующие животноводческими фермами, бригады, звеньевые и др.).

Примечательно, что представители высшего эшелона власти, вслед за Андреевым, настаивали на значительном сокращении размеров приусадебных участков колхозников, определенных Уставом 1935 г. Так, Кали-

нин исходил из нормы 0,3 – 0,4 га, а А.С. Щербаков (Московская область) полагал, что вполне достаточно 0,15–0,3 га, Н.С. Патоличев (Ярославская область) называл в этой связи 0,05–0,3 га. Хрущев, представлявший Украину, и П.К. Пономаренко, 1-й секретарь ЦК КП Белоруссии, считали возможным установить единую норму для колхозников всей страны — 0,25 га на колхозный двор. Хрущев возмущался тем, что колхозники Молдавии (в то время — автономная республика в составе Украины) занимались виноградарством и виноделием, «разводили фруктовые сады» на базе индивидуального хозяйства. Андреев во вступительном слове на одном из совещаний (8 мая) заявил, что установленная Примерным уставом 1935 г. максимальная норма приусадебного участка (до 1 га) «должна быть пересмотрена как неправильная». В то же время представители колхозов обращали внимание и на то, что земельные участки многих колхозников меньше 0,25 га и «они желают свой участок расширить». Не было секретом, что среди нарушителей колхозного Устава было немало местных руководителей деревни, партийно-хозяйственных активистов, многие из которых сами или родственники являлись членами колхозов. При этом они находились под надежным прикрытием своего властного авторитета¹⁵.

Материалы этих совещаний были использованы при подготовке майского Пленума 1939 г. (21–24, 27 мая). С докладом «О мерах ограждения общественных колхозных земель от разбазаривания в пользу личных хозяйств колхозников» выступил Андреев. Постановку этого вопроса он аргументировал тем, что основа колхоза, общественная земля, подверглась и подвергается разбазариванию и расхищению, а местные советские и партийные руководители не понимают этого: «Приусадебные земли стали терять свое приусадебное значение... превращаются в частную собственность отдельных колхозников... Доходы с приусадебных земель, от личного хозяйства во много раз превышают доходы по трудодням»¹⁶.

Ключевое значение имела речь Сталина, выступившего (и не случайно!) вскоре после доклада Андреева. На основные положения этой речи потом ссылались многие участники прений, а Андреев — в заключительном слове. Ссылаясь на Сталина, он, в частности, сказал, что «личное хозяйство колхозников уже задавило колхоз». В ходе доклада, когда Андреев, опираясь на мнение ряда секретарей обкомов и крайкомов, поставил вопрос о необходимости значительного сокращения приусадебных земель колхозников, Сталин, видимо, вспомнивший о своем активном участии в работе редакционной комиссии II Съезда колхозников по выработке нового устава, прервал его репликой: «Пока устав не отменен», добавив, что этот вопрос должны решить сами колхозники на съезде: — «Съезд должен принять решение об изменении устава, который устарел». А до этого «...пусть пленум ЦК, коммунисты соберутся и напишут закон

для колхозников. Это необходимо», то есть исходил из принципа «Царь указал, а бояре (то бишь колхозники) приговорили».

Аргументация: «Мужик в личном хозяйстве всегда будет норовить округлить это дело»; «Сделан шаг назад к индивидуальному хозяйству»; «Если так и впредь будем волочиться за событиями, а не руководить, то... мы получим такую картину, что колхозы распадутся, вместо колхозов образуются хутора, новые индивидуальные хозяйства. Товарный выход будет в 3–4 раза меньше, чем теперь, промышленность тогда надо закрывать, ликвидировать парк тракторов и комбайнов, хлеба для городов и армии перестанет хватать»; «Надо заранее повернуть от стихии к большевистскому руководству... руководить, а не быть в хвосте».

Столь устрашающие, почти апокалиптические предсказания вождя понятны: речь, по существу, шла об удушении свободного предпринимательства в деревне, пересмотре (в сторону снижения, «как устаревших») норм индивидуального землепользования, закрепленных колхозным Уставом 1935 г. Обещанные генсеком в связи с отменой карточной системы «радикальные экономические реформы», развитие товарно-денежных отношений теряли свою опору. И все эти «откаты» аграрной политики надо было хорошо аргументировать хотя бы в узком кругу доверенных лиц (участников пленума ЦК партии). В данном случае Сталин не только не решился на публикацию своей речи в открытой печати, но даже на краткое изложение ее содержания в «Правде».

А для начала потребовал произвести тщательный обмер приусадебных участков колхозников (в который раз!), изъять из их личного пользования левяды, огороды, бахчи и присоединить к общественным землям колхозов. Колхозников, вырабатывающих мало трудодней или не имеющих ни одного трудодня, он назвал «настоящими дармоедами», «тунеядцами», «мнимыми колхозниками», которых «надо встряхнуть» — направить в промышленность или переселить в другие области (Омскую, Красноярскую, Приволжье, Казахстан, на Дальний Восток), где много земель. «Нужно освободить колхозы от излишков рабочей силы». Сталин без всякой иронии посетовал на то, что «мы ликвидировали на свою голову безработицу, а теперь неоткуда рабочих достать», хотя «незанятая рабочая сила безусловно есть в колхозах». «Надо взять в свои руки распоряжение рабочей силой»¹⁷.

Разумеется, указания вождя были немедленно взяты на вооружение как руководство к действию. На их основе был подготовлен проект совместного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», который был одобрен (фактически утвержден) на заключительном заседании пленума 27 мая.

Это был единственный документ пленума по главному вопросу, преданный гласности¹⁸.

Осенью 1939 г. было намечено созвать III Съезд колхозников, на котором поставить вопрос о поправках к Уставу сельхозартели. Однако в этом уже не было необходимости, тем более в условиях резкого обострения международной обстановки. Постановление от 27 мая 1939 г. (партийно-государственное!) позволяло без согласования с колхозниками решить все назревшие с точки зрения властей проблемы приусадебных хозяйств, включая и вопросы переселения («добровольно-принудительного») части колхозников в восточные районы страны или направления их (по «оргнабору») в город для поддержки рабочего класса, реализации политики индустриализации на новом ее этапе.

Вопросы обмера приусадебных земель, изъятия и передачи «излишков» колхозам решались довольно быстро и тоже на основе названного постановления. Этим занимались специальные комиссии при участии сельских активистов, а их решения утверждались райисполкомами. Обмеры были закончены уже к началу октября 1939 г. В границах до 17 сентября 1939 г. было обмерено более 99% всех колхозных земель. Общая площадь изъятых земель личного пользования составила 1189,1 тыс. га. Главным образом это были земли, которые размещались в полевых угодьях колхозов и не обрабатывались ими; по договоренности с председателями колхозов они использовались владельцами ЛПХ. Для этого были и объективные причины: порой в местах поселений не хватало земли, чтобы обеспечить колхозников приусадебной землей согласно нормам Устава 1935 г.; некоторые деревни размещались на солонцовых и песчаных почвах, которые не годились для выращивания огородных культур. При восстановлении «справедливости» многие колхозники вообще оставались без усадебной земли¹⁹.

В соответствии с постановлением от 27 мая для «руководства делом переселения избыточной части колхозников в многоземельные районы» при СНК СССР было образовано Переселенческое управление с его органами в союзных республиках, областях и краях. Началось переселение колхозных семей на Восток. Это аргументировалось тем, что «колхозные общественные земли не могут сокращаться, а в малоземельных колхозах уже исчерпаны резервы земли для наделения колхозников приусадебными участками по уставным нормам». Лишившись приусадебной земли, а следовательно, и скота семьи таких колхозников вынуждены были покидать обжитые места, свою малую родину и уезжать в поисках земли обетованной в Сибирь, на Дальний Восток, в Казахстан — куда направят. Другого выбора у них просто не было. Никаких компромиссов, частных договоров с председателями колхозов, как прежде, не предусматривалось. Более того, «председатели колхозов, допускавшие сдачу сенокосов в колхозных полях и лугах, а также в лесах, под индивидуальные сенокосы колхозников и лиц, не состоящих в колхозе, будут исключаться

из колхоза и отдаваться под суд, как нарушители закона» — гласил один из пунктов Постановления от 27 мая 1939 г.

Приходилось срочно и за бесценок продавать свой скот и птицу или же сдавать животных конторам Заготскота в обмен на именные квитанции, дающие переселенцам право получить скот на новом месте. Однако из-за отсутствия скота это условие, как правило, не выполнялось или выполнялось частично. Но наибольшие трудности возникали в связи с нехваткой жилья. По данным Переселенческого управления из-за отсутствия жилья и необеспеченности скотом многим переселенцам приходилось возвращаться на старые места (как при Столыпине), где их уже не ждали. На 1 октября 1940 г. обратно возвратилось около 6 тыс. крестьянских хозяйств²⁰.

В то же время путем планового сельскохозяйственного переселения (далеко не всегда благополучно заканчивавшегося для крестьян) государство осуществляло весьма актуальную для страны задачу освоения новых земель на востоке²¹. За счет крестьянства в конце 1930-х гг. стала решаться поставленная Сталиным на майском пленуме 1939 г. проблема нехватки рабочей силы в промышленности. Был назван и основной источник ее решения — деревня, колхозы, где, по его мнению, имелся избыток рабочей силы в лице «мнимых» колхозников.

Надо полагать, что квалифицированных рабочих кадров массовых профессий в городе хватало. Эти вопросы решались в годы первой и второй пятилеток. Речь, видимо, шла о разнорабочих, способных выполнять различные виды работ, связанных с большой затратой физических усилий и не требующих специальной подготовки, — иначе говоря, занятых в сфере тяжелого и низкооплачиваемого труда. Именно в этой сфере наблюдалась большая текучесть кадров, в том числе работающих по оргнабору. «Вербуют сегодня несколько тысяч, а через две недели они уходят, опять нужно вербовать... — возмущался Сталин в своей речи на пленуме — Надо людям уметь распоряжаться, чтобы план не остался на бумаге... Нужно освободить колхозы от лишней рабочей силы». К такой «лишней рабочей силе» генсек отнес и тех, кто вырабатывал до 50 трудодней (21%) или не имел ни одного трудодня. Однако в состав этих групп включались и подростки (от 12 до 16 лет), старики и женщины, ухаживающие за маленькими детьми и престарелыми, ведущие домашнее хозяйство, отходники.

По решению пленума в колхозах был установлен для каждого трудоспособного колхозника и колхозницы обязательный минимум выработки трудодней в году (от 60 до 100), в случае невыполнения которого нарушители считались «выбывшими из колхоза и потерявшими права колхозника»²².

Сталинское руководство не могло не воспользоваться случаем, чтобы окончательно ликвидировать хуторскую систему земледелия — своего рода антипод колхозного землепользования, — сохранявшуюся еще в западных районах Белоруссии и Украины, Смоленской, Калининской и Ленинградской областях. В день завершения работы пленума 27 мая этого года Сталин и Молотов подписали постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О сселении дворов колхозников, проживающих на бывших участках хуторского землепользования, в колхозные селения»²³. К 1 сентября 1940 г. предлагалось в основном завершить сселение хуторов, а хуторские приусадебные участки колхозников включить в состав общественных земель колхозов.

К началу 1941 г. было сселено (в границах до сентября 1939 г.) 689,2 тыс. (86%) хуторских крестьянских хозяйств — последнего пристанища крестьянина-единоличника²⁴.

Значительное сокращение земельных приусадебных хозяйств колхозников (причем в ряде случаев в нарушение Примерного устава 1935 г., поправки к которому так и не были согласованы даже формально с колхозниками), существенно повлияло на снижение уровня жизни колхозного крестьянства. «Отрезки», как правило, включали лучшие, наиболее производительные приусадебные земли колхозников — с любовью возделываемые участки, отводимые под огороды, фруктовые сады, пасеки, а нередко заливные луга, пастбища, бахчи. Многие из этих угодий после передачи колхозам стали зарастать сорняками и кустарниками, размыться тальми водами, заболочиваться. Нередко их приходилось переводить в разряд «бросовых».

Авторы постановления тешили себя иллюзиями, что после принятия постановления майского пленума все колхозники будут трудиться («за палочки»!) с полной отдачей сил, а ЛПХ станут действительно подсобными хозяйствами согласно Уставу.

Война помешала реализации этой очередной антикрестьянской акции тоталитарного государства. Правда, обмеры приусадебных земель успели провести, а «отрезки», в подавляющем большинстве случаев не используемые колхозами, вернуть законным владельцам, т. е. колхозам. В годы войны была введена жесточайшая продразверстка, причем 6 декабря 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление, заставлявшее Госплану и Наркомзему СССР собирать данные об амбарной урожайности в колхозах, с тем чтобы определять размеры хлебосдачи на основе видовой урожайности²⁵. Но крестьянам все же был дан шанс не умереть с голоду: колхозники фактически получили право (вопреки предвоенным постановлениям) на значительное расширение размеров приусадебного хозяйства. Так, во многих районах Сибири, особенно там, где возникала опасность массового голода, производилась дополнитель-

ная нарезка личных участков для крестьянских семей в колхозных полях (от 0,3 до 0,5 га), вследствие чего общие размеры приусадебных земель нередко достигали 1 га. ЛПХ для подавляющего большинства крестьян в годы войны стали не только основным, но и фактически единственным источником существования, а нередко и выживания²⁶.

Крестьянство в годы войны своим самоотверженным, фактически безвозмездным трудом в общественном хозяйстве не допустило широко-масштабного голода в стране, в целом почти бесперебойно обеспечивало снабжение армии и горожан продовольствием, а промышленность — сырьем. И этим внесло неоценимый вклад в нашу Победу. А само выжило только благодаря приусадебному («личному подсобному») хозяйству.

А вскоре после окончания Великой Отечественной войны в постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава Сельскохозяйственной артели в колхозах» вновь вспомнили о постановлении майского пленума 1939 г. Очередная проверка, проведенная под руководством Л.З. Мехлиса (министра Госконтроля), показала, что «это постановление... оказалось забытым, и факты расхищения общественных земель колхозов снова приобрели массовый характер». Причем речь шла не только о послевоенном времени, но и о годах войны. Отмечалось, что «расхищение земель идет по линии увеличения приусадебных участков колхозников путем самовольных захватов или незаконных прирезок со стороны правлений и председателей колхозов в целях раздувания личного хозяйства в ущерб общественному». Можно предположить, что председатели и правления колхозов в условиях крайне тяжелой обстановки в деревне (неурожай, надвигавшийся голод) стремились закрепить за ЛПХ колхозников те земли, которые де-факто им были прирезаны в годы войны. И снова грозные предписания: «...осудить извращения политики партии и правительства в колхозном строительстве... виновных привлечь к судебной ответственности как уголовных преступников»²⁷. А среди виновных и сами крестьяне — «захватчики» общественных колхозных земель. Как выяснилось — и победителей тоже судят.

В последние годы жизни Сталина значительно возросло налоговое обложение крестьянских дворов, крайне разорительными стали для них обязательные поставки государству натуральной продукции. Владельцы ЛПХ вынуждены были забивать скот, вырубать фруктовые деревья, каждое из которых облагалось налогом, даже если оно перестало плодоносить. Сталин настолько оторвался от жизни деревни, что в начале 1953 г. не только отклонил предложение Комиссии ЦК партии повысить заготовительные цены на продукцию животноводства, чтобы поднять материальную заинтересованность колхозников в труде, но и внес «встречное предложение» — обложить колхозы и колхозников дополнительным на-

логом на 40 млрд рублей, так как, по его мнению, «крестьяне живут богато и, продав только одну курицу, колхозник может полностью расплатиться и по государственному налогу». В действительности же в 1952 г. колхозы и колхозники получили за всю сданную ими государству продукцию всего 26,3 млрд рублей²⁸. Только после смерти диктатора, в конце марта 1953 г., Наркомфин СССР осмелился представить новому главе правительства Г.М. Маленкову докладную записку о крайне обременительном для крестьян налогообложении ЛПХ: за период с 1949 по 1952 г. общая сумма налога выросла с 8 645 млн до 9 996 млн рублей, а по расчету на 1 двор — с 419 до 528 рублей²⁹.

Пришедшему к власти Н.С. Хрущеву, вопреки его идеологическим воззрениям, на протяжении ряда лет (вплоть до конца 1958) пришлось выступать с позиций активного защитника личных подсобных хозяйств колхозников, работников совхозов и горожан³⁰.

¹ Ленин В.И. Полн. собр.соч. Т. 38. С. 28

² См.: Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 4. М., 1963. С.177; Т. 8. М., 1964. С. 74–75.

³ Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 197–198.

⁴ Там же. С. 276.

⁵ КПСС в резолюциях... 8-е изд. Т. 5. С. 43.

⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 3. Д. 237. Л. 223–226.

⁷ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 252.

⁸ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 76. Д. 160. Л. 17–18.

⁹ См.: СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 82.

¹⁰ См.: Колхозы во второй сталинской пятилетке. Стат. сб. М.; Л., 1939. С. 105.

¹¹ См.: История советского крестьянства. Т. 2. М., 1986. С. 377 – 388.

¹² См.: Отечественная история. 1993. № 3. С. 44–46; Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1960. С.79.

¹³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 477. Оп. 1. Д. 4. Л. 33 – 34.

¹⁴ Колхозы во второй сталинской пятилетке. С. 24.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 18, 21, 22.

-
- ¹⁶ Там же. Оп. 2. Д. 655. Л. 4–11, 49–51.
- ¹⁷ Там же. Ф. 557. Оп. 11. Д. 1123. Л. 1–30. Это выступление Сталина не было включено в типографские гранки набора подготовленной для публикации стенограммы пленума. В машинописной стенограмме речь Сталина также отсутствует (видимо, она была изъята по указанию автора). В данном случае мы пользовались текстом, извлеченным из личного фонда Сталина.
- ¹⁸ См., например: Правда. 1939. 28 мая; КПСС в резолюциях ... Т. 5. С. 398–404. Стенограмма пленума, подготовленная в виде гранок типографского набора, не только не была опубликована, но и, вопреки обычной практике, не рассылалась на места для ознакомления. Не опубликована она, к сожалению, до сих пор.
- ¹⁹ История советского крестьянства. Т. 3. М., 1987. С. 26.
- ²⁰ Там же. С. 30–31; КПСС в резолюциях ... Т. 5. С. 401.
- ²¹ См.: Платонов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР. 1917–1941. Томск, 1976; Зандалова Л.В. Переселение крестьянства в азиатскую Россию (конец 40-х – середина 60-х гг.) Иркутск, 1997.
- ²² КПСС в резолюциях ... Т. 5. С. 403–404.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 214. Л. 60–61.
- ²⁴ История советского крестьянства. Т. 3. С. 28.
- ²⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 560. Л. 91.
- ²⁶ Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни: Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993. С. 115–116; Зеленин И.Е. К вопросу о голоде сельского населения в годы Великой Отечественной войны: историография и источники // Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сб. ст. СПб., 1995. С. 45–47.
- ²⁷ КПСС в резолюциях ... Т. 6. С. 173, 175, 177.
- ²⁸ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 161.
- ²⁹ Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953): Сб. документов. М., 1993. Док. № 49.
- ³⁰ См.: Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 137–150; 227–228.